

ПУБЛИКАЦИИ

Дмитриев Н.В.

Памяти учителя

Учил он нас мириться с темной долей
Храня в душе свой чистый идеал;
Учил идти путем тернистым правды
И не искать за подвиги похвал;
Учил любить страну свою родную,
Отдать ей весь запас духовных сил,
Чтить имена борцов за свет и знание –
Тех, кто одной лишь истине служил.

Плещеев

Сегодня исполняется десять лет со дня смерти В.П. Острогорского.

В течение почти сорока лет посвящал он на служение родине все свои богатые духовные силы, как литератор, общественный деятель и, главным образом, как учитель средней школы. По всей России рассеяны его ученики и ученицы, и у большинства из них – если не у всех – при воспоминании о лучших, юношеских годах, встает перед глазами светлый образ наставника-человека. Многочисленные педагогические труды покойного представляют собою целую энциклопедию преподавания словесности: здесь можно найти и впервые ясно и определенно выраженные в нашей учебной литературе правила выразительного чтения, и мотивированный подбор литературного материала для записи детьми, и теорию поэзии, и этюды об отдельных писателях. Много помещал он в газетах и журналах статей по разнообразным вопросам педагогического и общественного характера. Но по отношению к В. П. более, чем к кому-либо другому, можно сказать, что написанное им дает далеко не полное представление о нем. Только тот, кто видел его в классе, кто слышал его живые горячие речи о созданиях великих поэтов, понял и, главное, почувствовал все обаяние его личности.

Острогорский не был ни ученым специалистом, ни присяжным литератором; он прежде всего и больше всего был учителем, и при том не программного предмета, а жизни, поскольку она отражается в художественных произведениях.

По мнению самого В.П., словесность, как учебный предмет, – не наука, а учитель словесности – не ученый специалист. Иным требованиям должен он удовлетворять; иными являются лучшие представители воспитания молодых поколений на художественных образцах.

«Учителя словесности», говорит Острогорский в одной из своих статей, – «и на Западе, и у нас были только широко образованные люди, образованные

философски, с развитым эстетическим чувством, которое они воспитали на великих писателях и критиках; – это были люди, горячо любящие слово и мысли человечества вообще и свою национальную речь в частности, знавшие ему цену и силу. Они-то именно и были настоящими учителями словесности. Они-то – художники без самостоятельного творчества, на которое у них не хватает таланта, и давали чувствовать то, что они передавали. Говорят, переводчик должен переживать то же что чувствуют поэты, им переводимые, переживать и воспроизводить вновь на своем языке, что постигли они на языке чуждом, – учителя словесности те же переводчики, только не на другой язык, а передатчики смысла и силы тех вещей, который они читают, и объясняют».

Таким именно рисуется в памяти его учеников и сам В. П. Острогорский. Он приходил в класс не с учеными комментариями литературных произведений, не с точными определениями родов и видов поэзии, а с горячей любовью к делу, с целым роем постоянно живших в его душе образов великих поэтов; с чутким их пониманием, с богатым запасом живых, от сердца идущих слов для выражения своего внутреннего мира. Он передавал юным слушателям не школьные только сведения из теории словесности и истории литературы, а «лучшие советы художников мира и своего отечества». Сам постоянно горя внутренним огнем, этот миссионер живого слова воодушевлял и своих учеников, будил в них мысль, затрагивал чувство, вызывал благородные порывы. Он глубоко верил в свою высокую миссию и находил в себе избыток душевных сил для совершения великого дела.

Каким В. П. являлся в класс, таким был всегда и в жизни. Подобно Рёскину, он исповедовал религию красоты, которая для него служила мерилom ценности и предметов, и явлений, и людей. Красота, истина и добро сливались в его сознании в одно живое, гармоническое целое. И они были у В. П. не одной только продуманной и прочувствованной формулой: они органически срослись с ним, воплощались во всей его личности, в словах, в поступках. Мелочи жизни, личные интересы и расчеты, были совершенно ему чужды; представить их вместе с ним также трудно, как увидеть грязь и слякоть на цветущем луге в солнечный день.

В мире материальном наблюдается характерное явление созвучания: если перед струнным музыкальным инструментом берется чистый музыкальный тон, то начинает колебаться соответствующая этому тону струна. То же и в мире духовном: убежденная мысль, глубокое чувство, напряженное желание одного человека вызывают соответствующие душевные движения и в другом. В В. П. Острогорском громко и стройным аккордом звучали внутренние струны и вызывали ответный звук во всяком, кто только способен на них отзываться. Обладая неиссякаемым источником душевной энергии, он всегда был самым собою, всегда отличался искренностью; в этом главная причина того неотразимого впечатления, какое он производил на всех чутких людей; в этом главная причина и особого действия его на учеников; для многих из них он был прямо учителем жизни; его влиянием определялся выбор жизненного поприща; в его образе олицетворялась совесть, и когда приходилось на что-нибудь решаться, возникал вопрос – что скажете В. П.?

Говоря о значении Покорского для товарищей, тургеневский Лежнев замечает, что даже в том из них, кого исковеркала жизнь, кто загрубел и нравственно опустился, когда произносилось дорогое имя, шевелились все остатки благородства, «точно ты в грязной и темной комнате раскупорил забытую склянку с духами». Такое же значение имеет для учеников имя В.П. Острогорского. Как к Покорскому, к нему неудержимо влекли жившие в нем поэзия и правда; все хорошее, светлое, высокое в юности неразрывно связано с его личностью.

Учитель он был!

Источник текста: Дмитриев Н.В. Памяти учителю // Памяти Николая Всеволодовича Дмитриева. Спб. 1914. С. 14-17.

Подготовка текста и публикация Ю.В. Лазарева